

Ксения Беленкова

Эффект лучшего друга

Москва 2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б43

Оформление серии *Светланы Прохоровой*

Иллюстрация *Виктории Тимофеевой*

Беленкова, Ксения.
Б43 Эффект лучшего друга : повесть / Ксения Беленкова. — Москва : Эксмо, 2015. — 192 с. — (Только для девчонок).

ISBN 978-5-699-83011-4

С Женькой случилась первая любовь, но как же не вовремя она пришла к парню! Быть актером его настоящее призвание, а ему пришлось покинуть театральный кружок, и вовсе не по собственной воле. Да к тому же впереди выпускные экзамены и времени ни на что нет. Но благодаря бойкому характеру Женька не сдался, а мастерски решил все свои проблемы самым оригинальным способом, который только можно придумать...

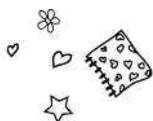
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83011-4

© Беленкова К., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой многое
заканчивается, так
и не начавшись

Физкультурный зал школы номер сто шестьдесят один по улице Новикова сиял окнами в вечернюю темноту осенней Москвы. В полусонном здании расположился театральный кружок «Маска»: объятые кисло-лимонным светом юные дарования приступили к работе над новым школьным спектаклем. По широкому залу хозяйским размашистым шагом прохаживался учитель физкультуры, он же руководитель трудолюбивого кружка, Боровиков Михаил Юрьевич, а для большинства учеников — просто Боров. Впечатывая мускулистые ноги в скрипучий, сияющий лаком пол, Михаил Юрьевич обводил тяжелым и беспощадным взором лица своих подопечных, выстроенных

в ровную шеренгу. Он кривил пухлые губы, явно недовольный качеством «поголовья».

— Северным оленем у нас будет, — тянул слова, выискивая подходящую фактуру, — оленем будет...

Ребята смущенно отворачивались, будто чувствуя себя недостойными предлагаемой роли. Они чуть сгибали колени и втягивали щеки, стараясь казаться как можно более немощными и субтильными. Положа руку на сердце, никто из них не жаждал примерить оленьи рога и копыта даже ради искусства.

Женька Рудык единственный легко и уверенно смотрел в глаза Борову. Вжимать голову в плечи и отваливать нижнюю челюсть, изображая пожизненное недомогание, у Женьки просто не было нужды. Вот уже неделю он потихоньку разучивал роль Кая, которая досталась ему, что называется, по заслугам. Рудык был, кажется, единственным, кто посещал «Маску» по зову сердца, а не ради банальной оценки. По большому счету ребята приходили в кружок лишь затем, чтобы разжалобить Борова на пятерку по физкультуре. Требовательный и суровый на своих уроках, Михаил Юрьевич размяг-

чался, точно пластилин в пламенных руках, когда в силу вступало театральное искусство. Он вдохновенно творил свои маленькие покорные миры. И готов был пустить слезу, когда актеры с точностью мячей, попадающих к корзину, отыгрывали свои роли. В журнал ложились пузатые пятерки, даже если какой-нибудь талантливый Северный олень недостаточно быстро пробежал стометровку или попросту не мог на уроке оседлать козла. Потому дорога в «Маску» не зарастала, кружок жил вопреки беспощадным нормам ГТО.

Женьку мало интересовали отметки, он был томим той же страстью, что и физрук — театр манил его, даруя возможность создать для себя новую интересную реальность. Не виртуальную, ограниченную слепым экраном любого гаджета, а совершенно реальную — дышащую и осязаемую. Женька мечтал о главных ролях и готов был разучивать десятки страниц текста, что порою отвращало от кружка иных охотников за пятерками. Кто-то предпочитал активнее взяться за свое тело, оставляя духу возможность лениво поживать среди способных к долгим отжиманиям мышц. Но Женька отчаянно, с неизбывным азартом нырял в глубокие,

многословные роли. Память никогда не изменяла ему на школьной сцене, и даже природная скромность испарялась куда-то, лишь только Женька входил в роль. Отличающийся быстрой реакцией, Боров довольно скоро оценил способности Рудыка, и вместо безмолвных рогов ему стали доставаться большие роли. «Тебе бы еще фактуру подкачать! — кривил Боров скуластую мину, ощупывая куриные Женькины ручки. — Колориту нарастить!» К прискорбию физрука, его самый ответственный и работоспособный артист был ростом ниже среднего и носил неприметную, костлявую худобу. Так что однажды, заменяя освобожденного от физкультуры Крота, оказался чуть ли не вдвое меньше Дюймовочки. Превратив трогательную сказку в сущую буффонаду.

— Титяков! Шаг вперед из строя! — пробасил Боров, заставляя всю шеренгу разом вздрогнуть.

Из шеренги выдвинулся длинный, сутулый парень, остриженный игольчатым бобриком.

— Будешь Северным оленем. — Боров измерил вогнутую фигуру Титякова профессиональным взором и что-то удовлетворенно отметил в своем блокноте.

— Но... я... — неуверенно промямлил Титяков, прищурившись, точно обиженный на весь белый свет.

— Отставить разговоры! — резюмировал Боров и тут же продолжил, сверившись со списком действующих лиц. — Маленькой разбойницей будет...

Пол снова заскрипел под широкими подошвами белых кроссовок: физрук дробил зал шагами. Титяков послушно вернулся в шеренгу, будто бы даже слегка успокоенный тем, что роль разбойницы его теперь точно минует. Женька невольно переминался с ноги на ногу, он даже стал немного нервничать, не в силах дожидаться завершения этого скучного, почти формального процесса раздачи второстепенных персонажей. Ему не терпелось погрузиться в свою большую роль, войти в образ мальчишки с остывшим сердцем. Он уже представлял себя зимней рекой, спящей под костяным льдом, так что и не видать ее живого течения. Женька был практически уверен, что на этот раз переиграет саму Снежную королеву. Да и чего можно ожидать от пустоголовой прогульщицы, которую на роль выбрали, судя по всему, лишь из-за вечно отмороженного вида. А бесстрашная, хрупкая Герда долж-

на была предстать в обличии перекормленной толстухи, с телом мучнистым, белым и рассыпчатым. В этот раз ему не было равных! Женька уже не видел вокруг себя физкультурного зала, поселившись в ином, сказочном измерении, он повторял про себя слова заветной роли: «Розы цветут... Красота, красота! Скоро узрим мы...»

— Можно войти? — Дверь в зал распахнулась, впуская к свету чью-то любопытную льняную голову.

Шеренга волной развернулась к опоздавшему, который вовсе не выглядел смущенным.

— Здесь прогулы по физре отрабатывают? — бодренько и звучно спросила голова у шеренги, являя следом шею и широкие плечи.

— Ошибаетесь, юноша! — Вперед вышел могучий Боров. — Теперь это не физкультурный зал, а храм искусства!

Он окатил льняную голову свирепым взором.

— Ага, ясненько. Пусть храм. — В зал смело шагнул рослый юноша с лицом настолько правильным и лишенным изъянов, что оно казалось неживым. — Я бы хотел к вам, в артисты. Или только монахов берут?

Шеренга приглушенно захрюкала, ожидая, что сейчас Боров одним резким словом сорвет всю браваду с этого самоуверенного парня.

— Ищенко? Из одиннадцатого «В»? — Боров приближался к выскочке, внимательно разглядывая новоприбывшего. — Пять посещений за всю первую четверть?

Новенький гордо кивнул, явно воспринимая сказанное за комплимент. Женя, которого так неуместно вырвал из грез этот странный визит, невольно зажмурился, ожидая гневную, раскатистую речь, которой Боров приветствовал каждого новобранца, чтобы потом пристроить на скамейку запасных, с требованием разучить все роли подряд. Но по залу неожиданно расползлась тишина, даже шаги Борова приобрели какую-то хищную пружинистость и осторожность. Физрук все ближе и ближе подходил к жертве, изучая Ищенко так тщательно, что казалось, тот должен распасться на молекулы. Шеренга прекратила хрюкать и затаилась. Все сейчас смотрели на Ищенко, даже Женька глянул на него, но почти без интереса, скорее от скуки. Парень был так хорош, что, казалось, отливал глянцем и слепил глаза. Женька сморщился, опуская голову,

чтобы длинная челка подарила необходимую тень.

— Память хорошая? — тихо и вкрадчиво спросил Боров у рисованного красавца.

— Не жалуясь, — плакатно улыбнулся Ищенко, и ровные зубы, сияя, выскочили из-под губ.

— Боязнь сцены? — докапывался Боров.

— А похоже? — нагло вато переспросил Ищенко.

Боров обошел новенького, тот не повернул головы. Высокий, статный, застывший, точно музейный Аполлон.

— Каем будешь? — то ли спросил, то ли сразу утвердил на роль Боров.

— Хоть кием, — ровно ответил Ищенко. — Если физру зачтете.

Боров усмехнулся и тут же утробно прогремел:

— Заметано. Будешь Каем, слова сегодня же возьмешь у Рудыка. — Он махнул на Женьку рукой. — В строй!

Женька не поверил этим словам, он даже чуть подвигал челюстью, думая, что у него просто-напросто заложило уши. Рот неожиданно пересох, в нем разверзлась горячая пустыня, в горле что-то за-

скрежетало, заскребло. Он закашлялся и прохрипел:

— Как это Каем? Михал Юрич, а как же я?

Женьке показалось, будто Ищенко улыбается, с холодным превосходством глядя в его сторону.

— А ты, Рудык, не кашляй! — не потерялся Боров. — Выздоровливай. И главное, не волнуйся, твоя роль в крепких, надежных руках.

Ищенко показательно, будто даже издаваясь, начал закатывать рукава, демонстрируя всем безупречные мраморные запястья.

— Но я здоров! — сипел Женька, до сих пор не в силах осознать происходящее. — Я же надеялся, я так ждал... я учил, в конце концов!

Он перешел на фальцет и раскраснелся, точно гриппозный.

Покровительственно обняв Ищенко за плечи и провожая его к шеренге, Боров, будто нехотя, отвечал Женьке.

— Ну, хорошо, — бархатно, чуть устало сказал он. — Раз ты чувствуешь себя здоровым, несмотря на этот страшный приступ кашля, который того гляди сведет тебя на больничную койку. — Он посмо-

трел на Рудыка с напускным, театральным сочувствием, — раз ты настолько уверен в своих силах... — продолжил настойчивее, ожидая лишь отказа.

— Я уверен! — взвился Женька.

— Тогда ладно, — смилостивился Боров. — Оставайся в спектакле...

Женька выдохнул, по телу струилось что-то похожее на счастье или же это был пот. Физрук что-то отметил в своем блокноте и одобрительно закивал сам себе.

— Будешь Маленькой разбойницей! — гаркнул он и захлопнул блокнот.

Женькино счастье тут же стало каким-то мокрым и холодным, голос окончательно пропал.

— Даже над образом работать не надо, — беспощадно добивал его физрук. — Патлы длинные, вечно растрепанные, фигурка тщедушная, как у девчонки.

Шеренга расслабилась и снова начала похрюкивать, даже Боров издал какое-то самодовольное, подобное смеху урчание. Лишь Ищенко хранил на лице безразличное ко всему, устремленное внутрь упоение.

— И-и-и, — пищал Женька, — Издеваетесь? Если так, тогда я... я уйду из «Маски»!

Боров вскинул к потолку равнодушный взгляд, говорящий лишь о том, что зарвавшийся артист скоро перебесится и вернется в строй, став снова гладким, обтекаемым и податливым, как ручной мяч. Женька затравленно озирался, все еще надеясь, что произошедшее — какая-то глупая шутка. Потом неуверенно вышел из строя и направился к двери, в любой момент готовый услышать, что все это лишь розыгрыш, и вернуться в плотную, дружескую шеренгу. Он делал один шаг за другим, но никто его не удерживал, не умолял остаться, зато дверь неминуемо приближалась, росла и ширилась.

— Да ладно тебе, оставайся, — шепнул в ухо Титяков, стоящий последним в шеренге. — Вот я олень и не парюсь...

Перед глазами у Женьки все плыло, ему вдруг показалось, будто у Титякова над головой растут и ветвятся рога, извиваясь, точно щупальца осьминога.

— Ты не олень, ты лось, Титяков! — выкрикнул Женька ему в высокий кадык.

И рванул прочь из зала. Титяков еще пару секунд обиженно шурился ему в спину, но вскоре совершенно забыл о замене Кая. Утомленные ожиданием